

бойни. У Алият сжималось сердце от такой мысли.

А тут еще с соседнего села Щербаково сослуживец Ибрагима повадился ходить в гости. Видно приглянулась ему Алият. И однажды рассказал как погиб ее муж в жестоком бою. — Я собственноручно закрыл ему глаза, - убеждал он родных Ибрагима. – Не хотел ваши души беречь, поэтому раньше и не говорил об этом. Нечего ждать его, Алият, выходи за меня замуж.

— И, правда, дочка Ибрагима не вернешь, а тебе жить надо, судьбу свою строить. Выходи за него, человек, видно, он не плохой.

И переехала Алият в дом нового мужа.

Через месяц на пороге родного дома появилась высокая плотная фигура Ибрагима. От неожиданности мать чуть в обморок не упала, опустилась, обессилив, на лавку.

— Что с тобой, анием? – встревожился сын.

— Алият я выдала за твоего однополчанина в Щербаково. Он сказал, что ты погиб, и он собственноручно закрыл тебе глаза, - сквозь слезы сказала мать, - счастье твое погубила я.

Ибрагим изменился в лице, но виду не подал, ни слова упрека не сказал. Быстро повернулся и пошел к двери. До Щербакова дошел быстро, резким движением распахнул входную дверь. Высокий, сильный, он мог бы здорово поколотить обманщика, но Ибрагим мог словом ударить сильнее, чем кулаком. Взял он свою побелевшую, как мел, Алият, сына Атауллу, и пошли они в родное Черемешево в материнский дом.

Всю жизнь прожили в любви и согласии Ибрагим с Алият, и ни разу не упрекнул он свою жену ни в чем. Открытой души и большого сердца были люди, редкостных человеческих качеств.

После Великой Отечественной войны пленные немцы строили в Саранске здание Республиканской больницы. Отношение к ним народа, истерзанного похоронками, было соответствующее – враги. И этим все сказано.

Ибрагима определили переводчиком, чтоб сложностей в общении не было. К тому времени в семье Максutowых было уже пятеро детей, и жила семья около молочного рынка, что был рядом с нынешним Домом быта.

Ибрагим, сам испытывавший на себе «прелести» плена, жалел немцев. Часто приводил в свое утлое жилище. Алият кормила изголодавшихся пленных. Они приносили с собой картофельную кожуру, жарили на плите и несли это своим товарищам в казарму.

Благодеяние это было не безопасно. Запросто Ибрагиму могли вменить обвинения в шпионаже, за семь лет пребывания в германском плену, мол, могли его завербовать. И доброта в отношении пленных могла сыграть свою роль. Конечно, вся семья боялась репрессий, но сердечная доброта была сильнее страха. И едой, и одеждой помогали.

Потом, когда пленные вернулись на родину, в благодарность за сердобольность, стали присылать посылки Максutowым, что приводило в трепет семью: народ еще хорошо помнил сталинские репрессии. Сколько времени прошло с той поры, а внучка Ибрагима и Алият Райся Каюмовна Биктякова до сих пор с опаской говорит, чтоб кое-что из рассказанного ей не публиковали. Во всех нас еще сидит страх, вживленный в гены событиями 20-30-х годов.

Райся Каюмовна детство провела в доме деда.

— Он всегда был подтянут, ходил в белой рубашке. Чистоплотный, аккуратный, пунктуальный и обязательный, - вспоминает Биктякова. - Он говорил: если б нам такой порядок, как в Германии, мы с нашими природными ресурсами жили бы лучше всех в

мире. Намаз читал каждый день. Но нас никогда не заставлял приобщаться к вере. Считал, что люди сами должны к этому прийти своим сознанием.

Алият умерла в 1964 году. Переживания за мужа сделали свое дело – сердце не выдержало.

Ибрагим пережил свою любовь на десять лет. Дочь Закия (мама Райси Каюмовны) взяла его к себе, и жил он под ее присмотром до самой смерти.